

Вечер темный, вечер веселый

Сантана Ривера

В последнее время жизнь делилась на несколько фаз: сон, еда, тренировки, еда, работа, еда, секс, еда, сон, еда. Ну, и в таком же духе. Количество тренировок, правда, Сантана себе начала увеличивать, пропорционально количеству приемов пищи в день. Сегодня же вечером они с Чжоу (в кои-то веки) выбрались посидеть в Ванцзы. Ну, так сказать, немного разнообразить их жизнь. А то все работа-дом-зал-кровать-работа. Не очень интересно, согласитесь.

Этот вечер в любимом клубе криминальных авторитетов всея Пекина царила обыкновенная атмосфера разврата и пьянства, только вот бразильянка сегодня как-то больше налегала на лапшу морепродукты и все, что было в карамели. И практически полная бутылка пива рядом. Сегодня днем она устроила себе супер-пупер-мега тренировку, после которой просто отрубилась, а теперь проснулась и сметала все, что находила на столе. Не как пылесос или бульдозер, конечно, но очень активно. А сначала ее даже немного мутило. Ну, от голода, конечно же.

- Хочу научиться метать сюрикены, - внезапно вставила она свои пять копеек в разговор. После нападения на Тая, эти сюрикены ей покоя не давали. Задели ее гордость, причем сделали это самым нехорошим и болезненным образом. А с врагом иногда лучше всего бороться его же способами.

Чжоу Мин

Досуг в Северной Столице пугал разнообразием: в перерывах между работой и тренировками можешь тупить дома или тупить в Ванцзы. Конечно, в Пекине были театры и балеты, древние парки и величественные постройки Запретного города, куча магазинов, клубов и прочего досуга от бань до прыжков с парашютом, но лень, а в последнее время еще и не хочется рисковать, выбираясь далеко от братьев. Мало ли, сколько ниндзя поджидает пекинскую братву в оперном театре.

- А в Линь Ян Шо этому учат? - спросил Чжоу.

Он допил уже вторую кружку пива за вечер, но все еще считал себя кристально трезвым. В клубе сегодня было много народу, и среди внезапных посетителей оказался Лю Ян, сейчас напивавшийся в стороне от простых смертных в компании товарища фу шан шу. В кои то веки у Гунмао не было сухого закона, и он по традиции злоупотреблял этим обстоятельством.

- Говорят, Лю сяншен хорошо обращается с сюрикенами, но я видел только как он бросал кунai. Впечатляет, - сказал Чжоу, ища взглядом официантку, чтобы попросить еще пива.

В этот момент к ним присоединились чуть пьяный Йен и как обычно обдолбанный Растаман, а следом нарисовалась и официантка, без дополнительных указаний принеся пиво.

- А Бизон сегодня не с нами? – удивленно спросил Йен после того, как сел за стол.

Сантана Ривера

Лапша сегодня была какая-то прям особенно вкусная. То ли креветки были свежее обычного, то ли помидоры в карамели, которыми она активно закусывала все это дело, но все было очень и очень вкусно. Пиво лишь портило всю картину, поэтому она попросила официантку принести графин лимонада. Огуречного. Вкусного.

- Ага, - дожевывая, кивнула бразильянка, - Вот он вроде бы и учит.

Странно видеть в Ванцзы мастера из Линь Ян Шо. Она-то сама человек там приходящий и все такое, но она там мастером и не числится, а вот господин Лю... Впрочем, и он там появляется не так часто из-за вечных поездок в Англию. Но это, конечно же, большая и страшная тайна, о которой знаю все желающие, но о которой никто вслух не говорят. Но лапша...

- А он расстроился, что к нему Бритт до сих пор не приехала в гости. А она и не приедет, пока Альба будет крысится на все живое. Мне жизнь подруги дорога.

Вообще, Бизона она сегодня еще не видела, но грех не высказаться на счет Альбы, честное слово. Кристиан, правда, с ней очень даже сдружился, что удивило, кажется, всех, но Сантана все равно побаивается за него. Да и за все живое, до чего могут дотянуться эти острые зубы.

Чжоу Мин

Сегодня Сантана почти не пила, даже пиво, зато на еду набросилась так, будто её не кормили неделю. Чжоу не понимал причину такого странного поведения девушки, но после мороженого с картошкой она вряд ли могла его чем-то удивить в плане гастрономических пристрастий. Тем более что теперь она вот уже привыкла к помидорам в карамели, от которых лаоваи традиционно почему-то ворочат нос.

- У Бизона переговоры сегодня, - ответил Чжоу. – Попозже подтянется.

- Старший брат, а ты мэймэй совсем не кормишь? – спросил Йен, с сочувствием взглянув на Сантану.

- Да, я тиран и деспот. И ест она раз в неделю, когда попадает сюда, разве не заметно? - спросил Чжоу.

- Бросай его, - посоветовал Растаман, блаженно улыбаясь. – И переезжай к нам постигать просветление, к которому ведут пресвятые Джа и Мескалито.

Чжоу посмотрел на физиономию сорок девятого, оценивая, насколько близок тот к обещанному просветлению. Судя по тому, что ни тени мысли не омрачало лица Растамана, находившегося сейчас в той стадии укуренности, когда от его позитивного пофигизма становится тошно.

- В семье достаточно упоротого тебя, не учи мэймэй гадостям, - ответил ему Чжоу.

- Тем более что с травы еще сильнее на хавчик пробивает, - добавил Иен, затем поспешил уткнуться в пиво, пока его уточнение не сочли излишним.

Сантана Ривера

Чжоу никак не комментировал ее повышенный аппетит, а она на это дело просто не обращала внимания. Ведь она сама себе устроила адскую тренировку, после которой просто вырубилась. А организм жратушки-то очень просит, тем более с таким вот расходом сил. Зато ее оголодавшее состояние не прошло незамеченным для ребят из отряда Чжоу, с которыми она когда-то сама работала наравне. Ну хорошо, не очень наравне, ведь у нее есть несколько тузов в рукаве, но шансы поймать шальную пулю у всех были одинаковыми.

- Ты думаешь я с ним просветление не постигаю, - усмехнулась бразильянка, отхлебнув еще пива. И снова поморщилась. Нет, определенно, алкоголь после тренировок не лезет вообще. Он в принципе в последнее время как-то не лезет. — К тому же, мэймэй сама кого хочешь гадостям научит, - она обворожительно улыбнулась четыреста двадцать шестому. — В свойственной только ей манере, - посчитала нужным добавить она.

Девушка перевела взгляд на остатки еды, потом положила руку себе на живот, вспомнила как долго и упорно наработывала свои рельефы, тяжело вздохнула и отодвинула от себя тарелку. Все похерить ради еще одной порции лапши или креветок будет просто глупо. Надо переходить на белок.

- На хавчик пробирает еще после очень упоротых, тьфу, упорных тренировок. Все, сажусь на диету и буду есть мясо, - и довольно улыбнулась. Мясоед. Тру мясоед.

Чжоу Мин

Растаман было ляпнул, чтобы мэймэй уточнила, каким именно гадостям она может научить, но, поймав суровый взгляд Чжоу, спинным мозгом почуявшего эту нездоровую мысль до того, как она была озвучена, сорок девятый промолчал. С Сантаной происходило что-то странное, насколько можно было использовать это понятие в отношении женщины, у которой, по мнению Чжоу все всегда было не как у людей.

- Не надо тебе на диету, - сказал он Сантане. — С нашей работой и тренировками с фу шан шу лишний вес никому не грозит.

В клубе собиралось все больше братьев. Музыка заиграла громче, на сцене началось какое-то шоу. Чжоу не стал спрашивать Сантану о том, что с ней происходит, потому что не мог обосновать, почему ему показалось, что сегодня она себя странно ведет. Да еще и братья будут уши греть.

- Я думал, девушки на диете начинают есть всякую траву, - сказал Йен.

- Всю траву уже скурили, - Чжоу кивнул, указав на Растамана. — Остается только мясо.

- А рыба? — спросил Йен. — Её, надеюсь, не курят?

Сантана Ривера

Нет, ну ради такого комплимента от любимого мужчины можно даже оторваться от еды и звонко чмокнула в щеку, после чего снова принялась что-то жевать, но теперь уже тырила еду из тарелки Чжоу. У соседа же всегда вкуснее. К тому же влезать в обсуждение кто что кого и когда скурил она пока что не спешила - интересно иногда послушать эти милые будничные бредни в исполнении ребят.

- Это девушки начинают питаться травой, а я ем мясо, потому что это белок, потому что это вкусно, сытно и полезно как для фигуры, так и для мышц. А травку пусть коровки жуют. Ну, либо любители курят, - она мило улыбнулась мальчишкам, после чего решила, что ей надо немного освежиться. - Я вас ненадолго оставлю.

Только вот встать легко не получилось. Слишком резко поднялась, из-за чего немного закружилась голова. Или переела. Но через пару секунд бразильянка уже мило улыбнулась ребятам, после чего направилась в сторону уборных. Голова продолжала немного гудеть, уши заложило, а стоило исчезнуть из поля зрения Чжоу, как перед глазами пошли темные круги. Хорошо, что стеночка оказалась рядом. Ага. Глубокий вдох. И выход. Еще вдох. Отпускает, потихоньку, но отпускает.

Сантана оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что еще никто не бежит ей помогать и спрашивать в чем дело, ведь только этого ей еще для счастья не хватало. Быстро проскользнув в женский туалет, бразильянка открыла кран с холодной водой и умыла лицо. Отвратительные ощущения в теле: слабость, легкая дрожь в мышцах, проблемы с координацией и перед глазами еще все плывет. Надо как-то себя немного побаловать. Взять пару отгулов или работать из дома. Нет, можно просто поспать подольше, а после работы расслабляться на массаже в спа. И море фруктов. Так внезапно захотелось вкуснейших манго...

Цинь Лю

Увы. Вот уж с кем, а с Растаманом обсуждать его вредную привычку бессмысленно и бесполезно - как раз подобные утверждения являются той частью информации, которую мозг раз за разом плавно откладывает "на потом". В данной конкретной ситуации - мысли встречают препятствие на слове "диета", да не просто спотыкаются об него, а даже и наматываются в несколько слоев, так что качественный уход в параллельное подпространство парню гарантирован...

"Диета". Ни на какие осмысленные составляющие слово раскладываться упорно не желает - так что не очень-то ясно, что оно за собой прячет. Растаман об этом слове, конечно, наслышан, и даже примерно знает, что это что-то такое, что обычно делаю с собой девушки - но больно уж расплывчатое получается определение... Диета - это... что-то связанное с поеданием травы?... Цинь озадаченно нащупывает указательным пальцем кончик собственного носа - и принимается гипнотизировать немигающим взглядом первую попавшуюся на глаза точку в пространстве, словно та, узрев желтоватую радужку, должна немедленно сдаться, поднять лапки вверх и вывалить всю интересующую парня информацию по первому же требованию. Слушайте, если действительно, траву едят - глупейшее же занятие тогда получается. И зачем только?...

- Если я никогда ничего не говорил о том, что рыбу можно курить - значит, это просто не по моей части. Какие-нибудь эскимосы, может, и курят, - наконец "отмирает"

Растаман. Правда, чья была реплика про рыбу и кому следует адресовать ответ - Цинь за своими сомнительными рассуждениями про разные загадочные слова уже не помнит, поэтому аккуратно направляет свои слова примерно между Чжоу и Йеном. А они там сами как-нибудь поймут, кому ответ предназначен... Стоит проморгаться еще пару раз - и Растаман наконец замечает отсутствие за столом Сантаны. С вежливым интересом пару раз поворачивает голову вправо-влево, словно бразильянка просто решила сбежать от них за соседний столик - и наконец решает, что раз начальство не трепыхается и не бьется в истерику, то и ничего из ряда вон выходящего пока не произошло, все идет по плану...

Ян Лю

Между первой и второй Ян предпочитал пить суйи, в то время как Гунмао уже был заметно пьян. Дорвался Кот до валерьянки, и даже лунтао ничего б ему сегодня не сказал, потому что вроде как почетных гостей принимает. Лю флегматично взглянул на фу шан шу, решая, окажется ли его физиономия в салате в течение ближайшего часа, или тот все же начнет больше закусывать и меньше пить, затем окинул взглядом зал, где, как обычно, гуляла местная братва.

За одним из столиков были Чжоу, Сантана и ребята из отряда Чжоу, которых Ян видел мельком, издавдала мог узнать, но по именам бы не вспомнил. Один из них был явно в астрале, другие пока держались бодро. Лю уже хотел отвернуться обратно к своей тарелке, но заметил, что бразильянка ведет себя немного странно. Причина этого была хорошо видна в её ауре, а вот по Чжоу не было заметно, что он в курсе. Разумеется, как же так чтоб бразильянка без достойных сериала приключений.

- Кысь, а у Чжоу с Сантаной все серьезно? – спросил Ян у Гунмао, в том числе чтобы убедиться, что фу шан шу еще способен слушать и слышать.

Лю застал начало отношений этой парочки с войной, бурными выяснениями отношений, почти смертельными ранениями, любовными многоугольниками и прочим ярким сюжетом. Потом он слышал, что эти двое собрались пожениться, но с момента появления слуха прошло довольно много времени, а воз был и ныне там.

Мао Чун

Кот закурил и вопросительно посмотрел на Лю. Сегодняшний день был почти праздничным, потому что слишком часто в последнее время лунтао настаивал на сухом законе, что обычно лишь усиливало желание Гунмао выпить, когда была такая возможность. И даже язвительные замечания паяца не сильно тормозили процесс принятия ну грудь.

- А что, у тебя на неё какие-то планы? – недоверчиво прищурился Кот. – Прости, старший брат, но это – подруга моего Чжоу, - уверенно заявил фу шан шу. – Он вот даже все обещает жениться на ней.

Тема отношений Чжоу и Сантаны уже набила оскомину почти всей братве, обсудили все, что было, и чего не было. И то, что молчаливый Мин научился разговаривать, и то, что он, оказывается, умеет орать, и как он бил посуду в Тяньцзине, и как с братвой подрывался за своей подругой в Рио, и как брат Сантаны подружился с

бизоновой Альбой. Но в последнее время парочка как-то притихла. После скандала в бразильской прессе они поиграли на публику влюбленных панд, после чего уgomонились и тем для новых разговоров не давали. Даже грустно, потому что Чжэнь с лунтао вообще запрещено обсуждать, в жизнь самого фу шан шу младшим братьям лезть себе дороже, да и какой Коту прок с этих обсуждений, так что хоть реально начинай смотреть мыло по телевизору.

Чжоу Мин

Чжоу посмотрел на Растамана, рассуждавшего о возможностях курения рыбы. Пожалуй, только такой флегматичный начальник отряда как Чжоу мог терпеть в рядах своих людей человека с анашой вместо мозгов. Но удивительнее всего было то, что Лю Цинь не подводил в работе, насколько неадекватным он бы ни казался.

Тем временем Сантана вышла из-за стола, и Чжоу проводил её удивленным взглядом. Она пошатнулась, но он не успел её поймать, потому что девушка пришла в себя сама. Вроде не пила сегодня, странно. Мэймэй по привычке работала сутками, и в финансах Хусин погрязла сильнее, чем в свое время в инфорсерской работе, при этом Чжоу никак не мог на это повлиять. Прежде он за неё отвечал и ей руководил, а сейчас она считалась только с мнением Чжэни, лунтао и фу шан шу. И вместо того, чтобы радоваться статусу большого начальника, следившего за общаком, на радостях впахивала вдвое больше. Парадокс.

Несмотря на то, что внешне Чжоу был спокоен, он переживал из-за того, что происходило с Сантаной. Она была какой-то странной в последние дни, будто витала в облаках. Иногда пропускала мимо ушей, когда он к ней обращался, иногда просто выглядела слишком задумчиво. Но не было похоже, что её что-то всерьез беспокоит, нервничала она немного иначе.

Чжоу попросил проходившую мимо традиционно полуголую официантку принести еще пива, но даже не обернулся вслед открытым за разрезами ципао бедрам. Он привык реагировать на работниц Ванцзы как на мебель с тех пор, как стал жить с Сантаной.

- Если эскимосы рыбу курят, то что они едят? – задумчиво спросил Йен.

- Ты ему отсыпал что ли? – поинтересовался Чжоу у Растамана, кивнув в сторону Йена.

Сантана Ривера

Нервничает Сантана не просто несколько иначе, скорее, совершенно иначе. И если это не выливалось в агрессию, то она буквально испарялась ото всюду и занималась чем угодно, чтобы отвлечься, причем чем угодно таким, что было ей совершенно не свойственно. Но сейчас она просто устала и у нее просто сильное недомогание. Может, выпить немного вина? Нет, она же хотела манго. А что, собственно, мешает совместить? Только вот сначала немного отдышаться и прийти в себя.

В этот момент в дамскую комнату заглянули какие-то посетительницы клуба. Сантана постаралась выглядеть невозмутимо. Ну жарко человеку, с каждым такое

бывает, тем более в клубе, если танцуешь, то с тебя обязательно сто пятьдесят потов сойдет. Но все равно голова еще немного кружится. И надо немного подышать воздухом, наверное. Вопрос только в том, чтобы незамеченной для Чжоу и остальных выскользнуть на улицу. Всего на пару минуток, честное слово. Наверное, хорошо, что сегодня на входе дежурит Сяо. Сантана мило ему улыбнулась, прижимая к уху мобильный и делая вид, что с кем-то разговаривает.

- Я буквально на минутку, а то плохо слышно, - типа доложила четыреста пятнадцатая. Не, ну а что? Ей же запретили высовываться на улицу без охраны. А тут она типа под присмотром Сяо, просто стоит, периодически выдавая фразы на португальском. Можно даже бессвязные. И надо набрать номер Маркуса, чтобы, если вдруг Чжоу случайно заглянет к ней в телефон, все было чисто. Набрать, а потом сбросить. Странно, но у нее не было ни малейшего желания общаться с кем-либо. Просто пять минуток тишины и спокойствия. И свежего, насколько в Пекине это возможно, воздуха. Наверное, надо меньше работать. Или испариться на все выходные, чтобы никакая работа ее не трогала и к ней не приставала.

Цинь Лю

Рыба, ну да. А что такого?... Если траву и едят, и курят - почему нельзя поступать точно так же со всем, что едят? Чем, скажем, та же рыба хуже? На несколько мгновений Растаман всерьез задумывается над этой промелькнувшей в голове странной мыслью, рассеянно захватывает взглядом запотевшую кружку пива - и на полном серьезе отвечает Йену, залезая пальцем в натекшую на стол прохладную лужицу: - Китов, естественно. Курят рыбу, а едят китов - а как же иначе? Как будто другие варианты есть? У них же там и нет больше ничего, только снег разве, но его вряд ли кудастроишь...

Растягивать эту гигантскую каплю пальцами - прохладно, прохладно до легкой неназойливой щекотки где-то в самых глазных яблоках... Цинь увлеченно склоняет голову набок, продолжая размазывать воду по столу - и как-то незаметно для самого себя приходит к выводу, что после рыбы, наверное, не радужно. Или курить ее надо не целиком - например, только хвосты или плавники. Или хребет - но тогда уж без вариантов... Во всяком случае, рыба без хребта на рынках не встречается - стало быть... что? До этого так бодро бежавшие мысли разлетаются в мелкие осколки, с разбегу влетев в вопрос начальства - на секунду Растаман замирает, а потом начинает переключаться на Чжоу. Не сразу - частями. Сперва переводит в заданном направлении взгляд, потом, через паузу - поворачивает голову. Еще с некоторой задержкой отрывает от стола пальцы, зачем-то поднося их к лицу - и, удивленно моргнув, вопрошает: - Отсыпал?... Кого? Куда?

Нельзя, нельзя делать такие резкие перескоки с темы на тему - увлеченное радужными брызгами зачем-то заглядывающих в голову параллельных миров сознание просто-напросто не успевает переключиться и понять, чего от него хотят. Единственное, на что худо-бедно хватает Растамана - осознать, что вряд ли его подозревают в отсыпании кому-то рыбы. И то - а ну мало ли? Сардины и прочих всяких сепельдонов - их же, наверное, насыпать можно?... Отсыпать. Вот же слово - еще какое - то ли от слова "сыпать", а то ли и от слова "сон", попробуй разберись с ним...

Ян Лю

Бычит, значит еще вменяем. Ян лишь фыркнул на слова Кота о Сантане. Тому лишь

бы найти повод распустить перья. Но Чжоу стоило поторопиться со свадьбой, пока не пришлось искать невесте платье, скрывающее живот.

- Ты ничего странного не замечал за ней в последнее время? – спросил Лю у Гунмао.

Пекинский фу шан шу был, конечно, тем еще гинекологом, но Ян все же думал, что при темпераменте бразильянки подобные перемены должны были быть заметны на пол Пекина. Впрочем, она могла сама еще не понимать причину своего состояния, а то стала бы ошиваться в клубе, где все прокурено так, что можно повесить топор, и тот не упадет.

Не дожидаясь ответа Кота, Ян уткнулся обратно в свою тарелку. Сантана куда-то ушла, а повара в Ванцзы знали свое дело, и за их творениями можно было отвлечься от всего остального. Не сворачивать же шеи, глядя на официанток, лишь из-за того, что Шири снова надолго задержалась в Лондоне. С таким тестем, как был у Лю, за любые мысли обзавестись про запас гаремом можно было стать евнухом. Да и не тянуло, особенно на местных работниц.

Мао Чун

Интересно, что на этот раз означал внезапный вопрос Яна. Сантана всегда была странной. Она странно создавала огонь, которым могла спалить небольшой отряд японских чертей, странно превращалась в пантеру, странно с акцентом говорила на китайском, странно доводила до истерик Чжоу и вообще отличалась и от братьев, и от работниц Ванцзы, и от Чжэни.

- Она всегда странная, - усмехнулся Гунмао. – А что, сейчас она тебе кажется страннее, чем обычно? По-моему, все нормально с ней. Даже отучилась ходить в Ванцзы в шортах до того, как у нашего Чжоу случился нервный срыв.

Еще до того, как у этих пастуха и ткачихи начался бурный роман с элементами бразильских сериалов, Чжоу дюже переживал за моральный облик своей подопечной. И чем больше он переживал, тем меньше одежды она на себя надевала, показываясь перед братьями. При этом почти всем, кроме Чжоу, до этого не было дела – пусть хоть голая ходит, лишь бы работала. А как началась большая любовь, Гунмао понял, что эти отношения умом не понять. Бразильские сериалы сменились на Героев Кондора после тридцатой серии, и для сохранения психического здоровья лучше было не пытаться понять этих двоих.

Чжоу Мин

Сантана все не возвращалась, и Чжоу начал волноваться. Он смотрел по сторонам, краем уха слушая то, что происходило за их столиком, но пока считал, что не стоит идти на поиски мэймэй. Была у неё одна неприятная ему манера: в любой непонятной ситуации в Ванцзы идти на улицу звонить Маркусу. И Маркус этот, хоть и был партнером семьи по поставкам Торусов из Бразилии, время от времени вызывал у Чжоу острые приступы мизантропии, хотя формально придраться было не к чему. Просто очень хороший друг детства, чтоб он век жил, лишь бы морду свою смазливую реже в Пекине показывал.

Чжоу взглянул на Растамана, размазывавшего по столу каплю воды с таким видом, будто от этого зависит целостность вселенной. Хороша была трава, этот знал толк в подобном допинге. В Ванцзы было простительно, потому можно было только стебаться на сорок девятым, но наказывать было не за что.

- А-а, ну так бы сразу и сказал, - с понимающим видом кивнул Йен. — А то поди пойми, что они там едят, а что — курят. А где мэймэй? — спросил он у Чжоу.

- Отошла куда-то, - буркнул четыреста двадцать шестой.

- Босс, ты с ней поругался? — не очень тактично спросил Йен.

- Нет, но не твое дело, - ответил Чжоу.

Сантана Ривера

На воздухе было определено лучше. Дышалось как-то легче, ничто не щекотало изнутри и не мешало дышать. Да уж, вот что значит, что она в последние несколько месяцев очень редко брала сигареты в руки. Кто бы мог подумать, что она вот так вот отойдет от этой прекрасной привычки? Ведь весь смак курения не в никотине, а в самом процессе и во вкусе. Когда ты вдыхаешь легкими терпкий дым, когда сквозь щелку губ выпускаешь этого сизого нахала, прикрывая в блаженстве глаза, когда этот вкус смешивается со вкусом свежего кофе или хорошего алкоголя. Вкусно. Расслабляюще. Хорошо. Но нет, сейчас не хотелось курить, хотя на долю секунды она задумалась не стрелкнуть ли у Сяо сигаретку. Но нет. Не хочется и все тут. Лучше просто подышать тем, что в Пекине называется воздухом. И расслабиться. Она даже забыла про то, что изображает общение по телефону. Просто прислонилась к стене здания, прикрыла глаза и дышала, а уголки губ дернулись в легкой улыбке. Хорошо. Просто хорошо и спокойно, несмотря на шум улицы и звуки музыки, которые можно было уловить среди сигналов машин и общего гомона.

Как там говорить? Остановить мгновение? Да, это, пожалуй, было бы очень кстати. И очистить воздух от выхлопов и прочей дряни, но человек ко всему привыкает, поэтому, от того же чистого воздуха у нее может еще сильнее загудеть голова или, хуже, снова потемнеет в глазах. А ей еще слушать новую порцию астральных размышлений от Растамана и смеяться над такими невинными глупостями. Хорошо тут. Вот бы еще немного задержаться...

Цинь Лю

Как оказывается, переключение на начальство было выполнено совсем зря - и Растаман принимается потихоньку переключаться обратно, к своему занятию феерической важности. Сперва опускает обратно на стол руку, зачем-то так до сих пор и маячившую у лица, потом отводит взгляд и поворачивает голову - и несколько секунд слегка ошалело таращится на размазанную по столу воду.

Забыл. Ну напроць. Из головы вылетело... Чем ему была так дорога эта вода, что нужно было непременно к ней вернуться, Цинь вспомнить уже не в силах - а пока в башке натужно скрипят мозги, припоминая, что же тут такое было три минуты назад, фразы, которыми перебрасываются Йен и Чжоу, летят мимо, практически не задевая ушей Растамана. Так разве что, чуть-чуть что-то на кончиках оседает...

- Ссориться или ругаться - что менее опасно для здоровья? - почти риторически

вопрошает Цинь. Берет со спинки стула свой цветастый шарф - и зачем-то начинает наматывать его на шею, словно в Ванцзы вдруг резко похолодало...

Ян Лю

Ян решил не развивать тему, он лишь убедился в том, что Гунмао не был в курсе последних новостей в рядах своих же людей. Впрочем, не один Гунмао.

- Тебя Цири на порог в таком состоянии пустит? – усмехнулся Лю.

Он и слышал, и сам замечал, что Кот неравнодушен к алкоголю. Странно, что при этом Гунмао умудрялся запоминать какие-то реально важные вещи. Но все равно не хотелось, чтобы пекинский фу шан шу усиделся до подзаборного состояния, потому что Лю знал, что Цирилла и так не очень хорошо относится лично к нему, а тот у него были все шансы оказаться крайним. Мол, позвал, налил, не запретил, не досмотрел, а Кыся теперь болеет.

- Кысь, можешь скажешь своим хлопцам, чтоб меня домой отвезли? – предложил Ян. – Тогда и у тебя будет шанс прийти домой на собственных ногах, хоть и по стеночке.

Лю не видел причин дольше сидеть в Ванцзы. Из пьяного Кота собеседник так себе, новости у него лучше узнать завтра, когда он будет трезвее. И задержаться в городе на денек-другой, вдруг случайно замеченные перемены в ауре Сантаны заинтересуют кого-то, кроме случайно проходившего мимо Яна.

Мао Чун

Гунмао посмотрел на Лю, решая, когда на него стоит смертельно обидеться. Паяц не мог даже нормально посидеть и выпить, все ему куда-то надо было, да еще и учить лез. Праведник и бодхисатва, только не нам об этом рассказывай.

- Стареешь, старший брат, - вздохнул Кот. – Хрен с тобой, пойдем. А Кошка меня всегда домой пускает, - сказал он с гордостью.

Но не стал добавлять, что супруга выгоняет его пьяного из спальни, оставляя спать в гостиной на диване. Мол, не выносит аристократический нюх запаха перегара. При этом Гунмао никогда не пытался восстать против этого жестокого правила, как и не пытался пить меньше, если был повод. Просто помнил: пришел по стеночке, поздоровался с вышедшей встречать Цириллой, а иногда и детьми, и покорно чешешь на диван до утра. Тогда святая Кошка еще принесет холодной воды на утро.

Гунмао вышел с Яном из клуба на улицу, отправил одного из сорок девятых отвозить почетного гостя, затем недоверчиво посмотрел на гулявшую у входа Сантану, не заметил ничего подозрительного, сел в подъехавший джип и уехал домой. Он задумался, с чем были связаны вопросы Лю, но никаких здравых идей на этот счет в голову не пришло. Может, она в монастыре чему новому научилась? Только странно, что должно было при этом быть заметным со стороны.

Чжоу Мин

Сантана все не возвращалась, и Чжоу начинал нервничать. Он посмотрел на выходящих из клуба Лю Яна и фу шан шу и решил пока не идти за ними следом, чтобы в случае чего не нарваться на их язвительные комментарии. Была у всех старших братьев одна дурная манера – они любили обсуждать сплетни о личной жизни младших, будто мечтали поддержать свечки.

- Младший брат, тебе холодно? – спросил Чжоу у Растамана, который начал наматывать на себя шарф. – Отходняк? – четыреста двадцать шестой чуть нахмурился.

Даже если казалось, что Цинь почти всегда находится в астрале, а мозги у него давно замаринованы в сладковатом запахе анаши, он всегда знал, что можно, а где перебор. Можно было не бояться передозировок, максимум – будет сидеть таким вот радостным болванчиком, пока чудо-трава не отпустит.

- С мэймэй ссориться опаснее. Тогда она и ударить может, - ответил Йен. – Но и ругаться с ней не нужно. Да, старший брат? – спросил он у Чжоу.

- Тебе нейдет? – огрызнулся на него четыреста двадцать шестой, после чего снова обернулся в сторону входа в клуб в надежде, что Сантана сейчас вернется.

Сантана Ривера

Бразильянка еще какое-то время мирно стояла на улице, облокотившись спиной на стену. Хорошо. Хорошо настолько, что губы сами расплываются в легкой улыбке. Но из этого состояния ее вывели голоса сорок девятых. Бразильянка открыла глаза и увидела начальство, которое в компании Яна Лю вышло из клуба. Девушка почтительно поклонилась старшим, проводила взглядом машины, после чего снова попыталась вернуть это приятное ощущение счастья. Но настрой прошел, поэтому надо было, наверное, возвращаться. Если Мин еще не пришел сюда в поисках ее, значит, скоро появится, потому что она тут простояла явно дольше пяти минут.

Она было дернулась к Сяо, чтобы попросить сигаретку, но аромат табака почуяла раньше, и стало сразу не по себе. Мутно как-то. Постов еще пару минут, бразильянка внезапно поняла, что очень хочется дыни. А это уже явный повод вернуться внутрь, что она и сделала. По пути, правда, столкнулась с Ханем, который расшаркался и раз десять спросил все ли у нее в порядке. Станный он какой-то сегодня, ей-богу. Словно она ему когда-либо в принципе высказывался все свои фи. Но раз уж он сам вызвался, то чего бы не воспользоваться ситуацией?

- Хочу дыню. Сладкую и сочную. Найдешь тут такую? Или только алкоголь есть в неограниченных количествах? - она едва заметно усмехнулась, - можно еще манго и голубику. И папайю.

Глупо предположить, что в этом клубе может чего-то не быть. Но Сантана наверняка не знала. Манго она тут ест, папайю вроде тоже, но не дыню. Свежую дыню пока здесь ре доводилось встретить. Сейчас даже интересно насколько сильно она озадачила директора клуба.

Цинь Лю

В ответ на вопрос начальства Цинь только качает головой, словно робот с батареей долгого заряда: вправо-влево, вправо-влево, каждый раз почти касаясь ухом плеча. Когда мозги уже начинают опасно болтаться в черепной коробке, получается наконец вспомнить, что для большей ясности при отрицании головой обычно вертят-крутят направо-налево - Лю безотказно демонстрирует и это движение. Что четкости при координации движений никак не добавляет, а мозги вообще становятся похожи на какой-то смятый разболтавшийся кисель...

Все это время Растаман продолжает возиться с шарфом - точнее, руки возятся с трехцветной яркой полосой ткани сами по себе. Затягивают на шее не хуже удавки - будь Цинь начитанным парнем, сравнил бы творение собственных беспокойных ручек с итальянской гарротой. А так - да удавка же удавкой, что там сравнивать... Шарфом успешно удается слегка придушить самого себя, отчего неконтролируемая болтанка головы на туго перехваченной шарфом шее останавливается. И мозгам сразу становится лучше настолько, что они тут же радостно выдают новую фразу для поддержания беседы.

- Ссориться и ругаться - в чем разница? - упрямо спрашивает Растаман слегка осипшим от мощного захвата "удавкой" голосом, бестолково дергая шарф за разные места и то ослабляя его, то наоборот, затягивая сильнее. - Если слова одинаковые, то зачем их два? А если их два, потому что не одинаковые, то в чем отличие? - Даже в знатно обдолбанном состоянии Цинь прекрасно чувствует, когда вопросы начинают подходить опасно близко к личной жизни начальства - и предпочитает с глуповато-задумчивым видом спрыгнуть в абстрактную философию, не дожидаясь, когда у Чжоу включится, возможно, вполне обоснованный режим ярости...

Чжоу Мин

Чжоу увидел вернувшуюся в клуб Сантану и заметил, как она что-то просила у Ханя. Тот вежливо кивал и бурно соглашался, видимо, никаких проблем не должно было возникнуть. Они возникали у Растамана, который тщетно пытался удавиться шарфом. Чжоу взглянул на вернувшуюся мэймэй, на упоротого Циня, на находившегося в приступе словесного поноса Йена, затем перевел усталый взгляд на свое пиво и отпил пару глотков приятно холодного напитка, после чего закурил.

- Мэймэй, не хочешь домой? – спросил он у Сантаны.

Йен тем временем копался в телефоне с очень умным видом. Он даже замолчал по такому уповоду и лишь мельком взглянул на подошедшую четвереста пятнадцатую.

- Ссориться, - зачитал Йен, - это высказывать друг другу упрёки, неудовольствие, обвинения. Ругаться – высказывать друг другу упрёки, называя друг друга бранными словами. Или произносить нецензурные слова. То есть если я подойду к кому и скажу «не по понятиям ты, брат, поступаешь» - это я с ним ссорюсь. Если я его по матери пошлю – ругаюсь.

- Йен, у меня от тебя в ушах звенит, - сказал Чжоу сорок девятому. – Сгоняй к бару, возьми Растаману кока-колу, а то он совсем не здесь.

Сантана Ривера

Оставалось только ко всему этому гастрономическому набору добавить соленую рыбу и скорпионов, но бразильянка не стала. Даже для ее странного на сегодня

вкуса это казалось перебором. Или нет? В полной задумчивости о смысле бытия и еды в нем девушка вернулась к столику, где Йен сидел, уткнувшись в телефон, а Растаман стоически воевал со своим шарфом.

- Мне Хань обещал вкусных фруктов, - ответила девушка, вернувшись на свое кресло, тем самым говоря, что пока она их не получит, домой не поедет. Ну, или пока просто не передумает. - Ты если хочешь, езжай. Тут народу много, всяко найдется трезвый доброволец подбросить меня до дома.

При всем при этом, Сантана, естественно, прекрасно понимала и знала, что без нее Чжоу никуда не поедет. Если только внезапно вызовут на задание. Иногда можно пользоваться своим статусом его девушки (невесты, прости Господи) и немного покапризничать. Но всегда можно поймать его взгляд, мило улыбнуться или еще как-нибудь напомнить о том, что она все же девочка и ей надо уступать. Ну, хотя бы для того, чтобы он не вредничал всерьез. Но ее внимание резко переключилось с Мина на одного из его бойцов.

- Любопытно, - протянула бразильянка, выслушав выдержку не то из википедии, не то из еще какого словаря. Внезапный поворот разговора, честно говоря. И Чжоу явно не в восторге от обсуждения, раз проигнорировал официантку, которая принесла первую порцию фруктов и сказал Йену сгонять к бару. - А кто с кем поссорился и кто с кем поругался? - Ривера даже все еще игнорировала свои фрукты, увлекшись каким-то подобием местных интриг и совершенно не догадываясь, что весь этот разговор начался с нее.

Цинь Лю

- Какие сложности... - задумчиво заявляет Растаман в ответ на приведенную Йеном выдержку из словаря. Цинь абсолютно четко понимает, что поначалу определения одинаковые - а вот концовки как-то смазываются, рассеянной башкой никак не схватываются и тоже автоматически начинают считаться одинаковыми. Растаман озадаченно глядит в потолок, рассматривая попавшуюся ему на глаза тусклую лампочку и вяло размышляя о том, как же придурочен весь этот мир - а потом говорит, дергая конец намотанного на шею шарфа: - Я искренне не понимаю человека, который взял и завел два разных одинаковых слова...

Движение руки оказывается совершенно неудачным - из-за него шарф затягивается туже и попадает невесть откуда взявшимся узлом прямо на кадык. Растаман аж давится концевкой фразы - и срочно срывает с себя цветастую ткань, пока горло окончательно не вмялось вовнутрь. Несколько секунд держит полоску шарфа на весу, на ладонях - а потом опирается на стол локтями и прижимает пеструю ткань к глазам, опуская ресницы.

Под опущенными веками - приятная прохладная темнота. Там нет никаких ненужных споров, и не надо ни с кем выяснять, кто ссорится, а кто ругается. Цинь охотно проваливается в эту прохладную темноту, полностью отключаясь от внешнего мира - так и сидит с шарфом на глазах, и на внешние раздражители реагировать отказывается напрочь...
